

Александр Рудазов



АРХИМАГ
РЫЦАРИ ПРЕЧИСТОЙ ДЕВЫ
САМОЕ ЛУЧШЕЕ ОРУЖИЕ
СЕРЯЯ ЧУМА
ВОЙНА КОЛДУНОВ. ВТОРЖЕНИЕ
ВОЙНА КОЛДУНОВ. ШТУРМ ЦИТАДЕЛИ
ДЕТИ СУДНОГО ЧАСА
СОВЕТ ДВЕНАДЦАТИ
ШУМЕРСКИЕ НОЧИ
БИТВА ПОЛЧИЩ
ЗАРЯ НАД БЕЗДНОЙ



ТРИ ГЛАЗА И ШЕСТЬ РУК
ШЕСТИРУКИЙ РЕЗИДЕНТ
ДЕМОНЫ В ВАТИКАНЕ
СЫН АРХИДЕМОНА



ТРИ МУДРЕЦА В ОДНОМ ТАЗУ
ТАЙНА ПОХИЩЕННОЙ БАШНИ



ЭКИПАЖ



РАССКАЗЫ ИЗ ПРАВОГО БОТИНКА



ВЛАСТЕЛИН



ЗВЕРОЛОВ



АРИФМОМАН. ЧЕРВОТОЧИНА
АРИФМОМАН. В НЕБЕСАХ



Александр Рудазов



Арифмоман. Червоточина

Роман

Москва, 2016
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Р83

Художник
И. Воронин

Рудазов А. В.
Р83 Арифмоман. Червоточина: Фантастический роман. —
М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 313 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-2337-8

Исидор Яковлевич Эйхгорн — не самый типичный обитатель планеты Земля. Незаурядный изобретатель, бывалый путешественник и исследователь аномалий. Он может собрать в гараже любое устройство, а самым интересным развлечением считает высшую математику.

Именно Эйхгорн изобрел вормолеграф — прибор, способный регистрировать пространственные разрывы. Обнаружитель червоточин. Увы, подтвердить работоспособность прибора удалось далеко не сразу, а когда наконец удалось... Эйхгорн не смог никому об этом рассказать. Ибо первая же обнаруженная червоточина перебросила его в какое-то очень странное место...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Рудазов А. В., 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ISBN 978-5-9922-2337-8

ВНИМАНИЕ!

Данное произведение содержит сцены курения.
Помните, что курение опасно для вашего здоровья.

ГЛАВА 1

Солнце уже поднялось, но палаточный лагерь оставался тих и спокоен. Слишком хорошо вчера приняли, отмечая первый день экспедиции. Мало кому хотелось в пять утра выползать из теплых спальников.

Снаружи, несмотря на середину августа, было прохладно. Промозглый ветер развевал висящие на шесте подштанники, а термометр показывал плюс одиннадцать по Цельсию. На берегах Алдана в такую рань теплее обычно и не бывает.

Но в одной палатке все-таки зашебурилось. Вылезший оттуда кутался в плед и недовольно обозревал мироздание из-под стекол очков.

Увиденное не доставляло ему никакой радости.

Но наружу он все-таки вылез. Зевая так, что едва не вывихнул челюсть, и чувствуя, как череп раскалывается изнутри, — но вылез. Проглотил таблетку аспирина, запил водой из бутылки — и сразу почувствовал себя лучше.

Подлинно великий ум даже с похмелья остается трезвым и собранным.

Ночью прошел дождь. Кострище насквозь промокло, в забытой миске лежали грязные шампуры. Глядя на них, Эйхгорн всерьез подумал, не завалиться ли снова на боковую, но в конце концов таки принялся одеваться.

Ему до смерти хотелось курить, а делать это в лагере — поспорить с попутчиками. Коллектив, как назло, подобрался сплошь некурящий, и табачный дым всех раздра-

жал. Не желая портить отношения, Эйхгорн смолил папиросы в гордом одиночестве.

С собой он прихватил удочку. Лагерь расположился не совсем на берегу, но достаточно близко. Пять минут по раскисшей земле — и Эйхгорн уже сидит на удобной коряге, словно нарочно уложенной кем-то у самого края.

Возможно, ее действительно кто-то сюда уложил. Местечко совсем дикое, далекое от обычных туристических маршрутов, но чем черт не шутит? Вполне мог забрести какой-нибудь рыболов, вроде того же Эйхгорна. Он сам, бывало, и не в такую глухомань забредал.

Червяков Эйхгорн копать поленился. Собрал по дороге тех, что сами выползли после дождя. Сейчас они извивались в консервной банке, служившей Эйхгорну заодно и пепельницей.

Насадив на крючок самого жирного червя и зажегши мятую сигарету, Эйхгорн почувствовал полное умиротворение. Не то чтобы он сильно увлекался рыбалкой, однако этот процесс всегда настраивал его на благодушный лад.

И теперь, когда наш герой мирно сидит с удочкой и сигаретой, самое время рассмотреть его поближе. Исидор Яковлевич Эйхгорн, сорока двух лет от роду, кандидат технических наук, работает в конструкторском бюро. Росту не высокого, но и не низкого, телосложением худощав, однако не слишком, осанку имеет скверную, постоянно сутулится.

Голова формой напоминает сушеный баклажан — слегка удлиненная, с заостренным подбородком, тонкими губами и несколько длинноватым носом. Волос на голове не имеется — хоть с лупой ищи. Лысеть Эйхгорн начал уже в тридцать, а к сорока его макушка окончательно приобрела сходство с очищенным яйцом. Зато подбородок его и верхняя губа покрыты предлинной щетиной, которая, однако ж, не настолько длинна, чтобы именоваться бородой.

Глаза посажены глубоко, имеют блекло-голубой цвет и лишены всякого выражения. Иной раз кажется, что то и вовсе не человека глаза — скорее уж снулой рыбы. Эйхгорн чрезвычайно близорук, оттого всегда носит очки в металлической оправе.

Вокруг царила тишина. Берег в этом месте немного поднимался, защищая от ветра, а речное русло чуть изгибалось, образуя затон. Вода в нем стояла почти неподвижно, и ее покрывала ряска. В воздухе противно гудел гнус. Вымазанный репеллентом человек был ему недоступен, и гнус бессильно злобствовал.

Скучно глядя на поплавок, Эйхгорн размышлял о том, что родился в неудачное время. Эпоха великих географических открытий давно закончилась — на Земле больше нечего открывать и исследовать. Не осталось смысла бороздить океаны и искать по джунглям затерянные города. Все уже давно нашли, нанесли на карты, сфотографировали и поставили будки с сувенирами. Разве что снежный человек еще где-то скрывается, да и то — пойди поймай его, неуловимого.

Несомненно, через несколько десятилетий начнется эпоха великих космических открытий, еще более интересная и многообещающая, но Эйхгорн до нее уже не доживет.

А путешествовать он ох и любил! Одни ездят в отпуск на Кипр или в Турцию — загорать на пляжах. Другие предпочитают Рим или Париж — гулять по музеям и выставкам. Третьим нет места милее, чем лыжный курорт или целебные воды. Однако Эйхгорн считал все это скучным, каждый год срываясь куда-нибудь в глушь на поиски неизведанного.

Тундра, тайга, пустыня, горные пики — вот куда он ездил, отдыхая в таких местах, где и само-то слово «отдых» звучит отчасти противоестественно. Он увлекался дайвингом, рафтингом, альпинизмом, спелеологией, парашютным и планерным спортом.

Однако самым интересным для него всегда были физические аномалии. И то было не пустое любопытство. Еще десять лет назад, когда Эйхгорн чинил унитаза, ему в голову пришла идея, которая оттуда уже не ушла. Годами она развивалась и развивалась, пока не оформилась в схему, а затем получила и материальное воплощение.

Вормолеграф. Вот как этот изобретатель назвал свое детище. Он же — обнаружитель червоточин. Дыр в пространстве. Эйхгорн был абсолютно уверен, что они есть в космосе, и допускал возможность их наличия на поверхности планеты.

В микромасштабе, разумеется.

С самого института, опираясь на Эйнштейна и Шварцшильда, Эйхгорн строил собственную теорию кротовых нор. Но ему было мало теории. Он хотел пойти дальше, хотел получить фактическое доказательство. И именно для того, чтобы оно нашлось, он и сконструировал не имеющий аналогов измерительный прибор. Устроен тот был не сложнее, чем счетчик Гейгера, но до Эйхгорна никто до такого почему-то не додумался.

Сильнее всего эта штука напоминала крохотный осциллограф. Только у нее была еще и стрелка. Большую часть времени она оставалась в неподвижности, но иногда чуть заметно дергалась — и тогда Эйхгорн весь подбирался.

Увы, тревога неизменно оказывалась ложной. Но в этот раз, возможно... Эйхгорн потому и присоединился к этой экспедиции, что надеялся проверить свое изобретение на практике. Давно уже ходят слухи о странной аномалии в этих местах.

Вроде бы кто-то даже видел ее своими глазами.

Эйхгорн и сейчас периодически поглядывал на свой vormoleграф. Размером даже меньше наручных часов, он отлично помещался на запястье. Эйхгорн и собрал-то его в корпусе от старых спортивных часов — даже стрелку прежнюю оставил.

Пока что та не двигалась.

— Как водичка? — раздался сиплый голос.

— Теплая, ныряй, — ответил Эйхгорн, подвигаясь на коряге.

Рядом уселся Извольский. Неформальный лидер экспедиции. Формального лидера не было, поскольку считалось, что здесь все лучшие кореша и никто не главнее друг друга. Но на деле тон задавал Извольский, а остальные следовали за ним, как гусята.

— Не работает твой Е-метр? — спросил Извольский, кивая на вормолеграф.

Эйхгорн неопределенно пожал плечами. Извольский не верил в его изобретение. В общем-то никто не верил. Эйхгорн сам был полон сомнений, временами подозревая, что вся его теория — одно большое заблуждение.

Впрочем, долго это не длилось. Если в чем Эйхгорн и знал толк, так это в вычислениях — и в своих расчетах он не видел ошибок. Нужно просто еще немного довести проект до ума... или наконец отыскать хотя бы одну настоящую червоточину.

Можно совсем крошечную.

— И не заработает, — подытожил Извольский, тоже закуривая. — Шарлатан ты, Сидор.

В отличие от Эйхгорна, он курил электронные сигареты, а обычные считал вонючим ужасом. Всех, кто с ним не соглашался, Извольский глубоко презирал и при любом случае объяснял, насколько это скверная привычка. Так, Эйхгорну он сел на уши в первый же день, но тот лишь молча смотрел снулым взглядом, и Извольскому стало скучно.

— Поймал что-нибудь? — поинтересовался он.

Эйхгорн не удостоил его ответом. У Извольского есть глаза и интеллект. Он должен видеть, что рядом с Эйхгорном нет ничего, похожего на рыбу или контейнер, в котором та могла бы находиться. Следовательно, он должен

понимать, что Эйхгорн ничего не поймал. Следовательно, его вопрос — пустое сотрясение воздуха, и отвечать не имеет смысла.

— И ничего-то мы здесь не поймаем, — задумчиво молвил Извольский, выпуская клуб пара. — Зря мы сюда вообще приехали.

Эйхгорн молча смотрел на поплавок. У них с Извольским разные цели. Эйхгорн надеялся найти пространственную аномалию, Извольский — следы инопланетян. Этот прожженный уфолог уже много лет искал пришельцев по всему миру — безрезультатно, конечно.

Среди российских уфологов Извольский считался авторитетным специалистом. Верный последователь Черноброва, он написал две книги, проводил какие-то курсы для начинающих, несколько раз даже выступал по РЕН ТВ.

Эйхгорн не смотрел.

В юности Эйхгорн тоже увлекался уфологией. Потом он к ней поостыл, но связи с любителями этого дела продолжал поддерживать. Благо места их интересовали те самые, что требовались и Эйхгорну, — аномальные, богатые необъяснимыми происшествиями.

Конечно, его попутчикам удача улыбалась ничуть не чаще, чем ему самому. Почти все «аномалии» после тщательного изучения оказывались просто утками.

Например, пару лет назад Эйхгорн столкнулся с интересным на первый взгляд случаем — на лесной поляне появилась странная окружность шести метров в диаметре. Трава внутри пожухла и примялась, а края опалились. С наружной стороны круга недалеко от края — четыре небольшие симметричные ямки.

След посадки НЛО!

Однако опрос местных жителей и визит в пожарную часть быстро прояснили дело. На том месте всего лишь

стоял большой стог сена — он загорелся, был потушен, а остатки увезли. Углубления — следы от жердей.

И никаких сенсаций.

Бывают и целенаправленные фальсификации. Так, в прошлом году Эйхгорну показывали любопытную штучковину, похожую на те «визитные карточки», которые вкладывают в космические зонды-автоматы. Металлическая пластинка, на ней выгравирован атом водорода, двойная спираль ДНК, семь разного размера кружочков, один из которых подчеркнут, странное большеголовое существо и еще несколько непонятных значков. Хозяин пластинки утверждал, что нашел ее в собственном огороде, копая яму под сортир.

Казалось бы, сенсация, послание со звезд... но, увы, оказалось, что это банальная подделка. Опрашивая соседей, Эйхгорн случайно увидел у одного из них на полке очень похожую пластинку, только с другим изображением. Припертый к стенке, парень со смехом сознался, что увлекается чеканкой по металлу, а «послание инопланетян» состряпал, чтобы разыграть приятеля. Ну и подбросил незаметно в яму, когда помогал копать.

И никаких сенсаций.

— Сидор, вот ты математик, — сказал Извольский. — Ты в тервере разбираешься?

В глазах Эйхгорна промелькнуло осмысленное выражение. Разбирается ли он в теории вероятностей? Разбирается ли... а свиньи разбираются в трюфелях?

— Разбираюсь, — со всем возможным сарказмом ответил Эйхгорн.

Извольский сарказма не уловил.

— Вот тогда скажи мне — сколько в нашей Галактике должно быть цивилизаций? По теории вероятностей?

— Задача поставлена некорректно, — сразу ответил Эйхгорн. — Недостаточно данных. Из достоверных фактов мы обладаем только данными о нашей звездной систе-

ме, причем все еще очень неполными, а также о приблизительном количестве звезд в Галактике. Также нам известно, что у большинства из них, по всей видимости, имеются планеты. Вычислить на основе этого гипотетическое количество разумных цивилизаций не представляется возможным. Существует, конечно, уравнение Дрейка, но оно основывается исключительно на предположениях и на данный момент в принципе не проверяемо.

— Но ты согласен, что их должно быть очень много? — настаивал Извольский. — Согласен? Сто миллиардов звезд! Сто миллиардов!..

— Двести.

— Что?..

— Их по крайней мере двести, — сухо повторил Эйхгорн. — А скорее всего, еще больше. Возможно, до четырехсот.

— Четырех... — чуть не подавился Извольский. — Я, б... недоумеваю просто! Сотни миллиардов!.. И это только в нашей Галактике!.. Сколько их там должно быть, пришельцев?! Если даже хотя бы на одной из тысячи — уже сотни миллионов! На одной из ста тысяч — все равно миллионы! Ну и почему?!

— Почему что?

— Почему они с нами не контактируют?! Почему, вот ты мне скажи?!

— Навскидку могу придумать три возможных объяснения, — безразлично ответил Эйхгорн.

— Ну-ка?.. — прищурился Извольский.

— Первое, — загнул палец Эйхгорн. — Там никого нет. Сотни миллиардов звезд — это еще ничего не значит. Нам известна одна-единственная населенная планета — наша. И мы понятия не имеем, является ли наш мир нормой или аномалией. Возможно, разум или даже жизнь как таковая — настолько редкое явление, что контактировать просто некому. Возможно даже, Земля — вообще уникальный

объект во Вселенной, единственный в своем роде. Или возможно, что межзвездное сообщение настолько трудно чисто физически, что все другие цивилизации тоже сидят на своих планетах, гадая — а почему с ними никто не контактирует? Также не исключено, что мы всех опередили в техническом развитии, и это как раз мы через несколько веков будем просвещать отсталых инопланетян.

— В это я не верю, — отмахнулся Извольский.

— Второе, — загнул другой палец Эйхгорн. — Мы живем в заповеднике. Возможно, у них, кем бы они ни были, запрещены контакты с малоразвитыми цивилизациями. Первая Директива, и все такое. Возможно, за нами наблюдают, нас изучают, но в диалог вступать не собираются. Также возможно, что контакты запрещены не с неразвитыми цивилизациями в целом, а конкретно с Землей — по некой неизвестной нам причине.

— Ага. Это более логично. А третье объяснение?

— Третье, — снова загнул палец Эйхгорн. — Мы никому не нужны. Возможно, с нами в контакт не вступают по той же причине, по которой серьезные державы не отправляют послов к бушменам и алеутам. Возможно, мы просто ни у кого не вызываем интереса. Опять же — нас могут изучать, наблюдать... как мы наблюдаем за стаями шимпанзе, но разговаривать с нами им просто не о чем. Не доросли мы еще до контактов.

Извольский вынул изо рта сигарету и плюнул в воду. Он не считал себя не доросшим до контактов.

— Также можно сочинить множество теорий типа того, что мы живем в виртуальной реальности или окружены искусственной сферой с нарисованными звездами, но это уже явная галиматья, — закончил Эйхгорн. — А вообще-то парадокс Ферми давно пережевали все кому не лень.

— Да знаю я, знаю...

Извольский снова плюнул в воду и слез с коряги. Шмыгнув носом, он посмотрел на небо и буркнул:

— Дождь собирается. Пойду я к нашим.

Эйхгорн продолжал смотреть на поплавок. В его мыслях никакого Извольского рядом уже не было, а были только река и удочка.

А потом поплавок вдруг дернулся. Эйхгорна это несказанно удивило — на рыбалке ему не везло просто отчаянно, и поклевки случались только по большим праздникам. Крепко схватившись за удилище, он принялся крутить катушку.

Стерлядь. То оказалась самая настоящая живая стерлядь, килограмма полтора весом. Лучший улов Эйхгорна за всю его жизнь. Даже выброшенная на траву, она билась еще очень долго.

Глядя на это, Эйхгорн достал диктофон и сделал аудиозаметку:

— Одиннадцатое августа две тысячи четырнадцатого года. Местное время — шесть часов пятьдесят пять минут. Поймал на удочку живую стерлядь. Конец заметки.

Извольского рядом действительно уже не было, и оценить удачу Эйхгорна было некому. Он задумался, что делать с таким неожиданным уловом.

Стерлядь относится к редким видам, занесена в Красную книгу. Ловить ее специально Эйхгорн не стал бы. Но он вовсе и не рассчитывал ее поймать... честно говоря, он не рассчитывал поймать хоть что-нибудь. До сего момента он даже не знал, что стерлядь водится в Алдане.

Отпускать ее бессмысленно. Крючок сильно повредил рыбе рот, так что выживет она едва ли. Самый логичный и разумный вариант — съесть. Вряд ли уфологи откажутся от стерляжьей ухи.

Ни кукана, ни ведра у Эйхгорна не было. Так что он понес рыбу как есть, на конце лески, по дороге машинально пересчитывая костяные щитки.

Их оказалось сто шестьдесят пять.

Эйхгорн с раннего детства страдал легкой формой арифмомании. Он чувствовал буквально физическую потребность все подсчитывать, измерять и систематизировать. Мозг постоянно требовал новой информации, желал что-нибудь обрабатывать, решать и вычислять. Ребусы, шарады, головоломки занимали его ненадолго — Эйхгорн шелкал их как орешки. Беря в руки sudoku, он просто писал числа одно за другим, словно перед глазами стоял готовый ответ.

Еще в шесть лет маленький Исидор вычислил площадь всех комнат в квартире — и в том возрасте это было чертовски нелегко. Чтобы справиться со шкапами, пришлось пойти на немалые ухищрения.

Он закончил работу только через несколько дней, после чего пошел похвастаться к отцу. Папа посмотрел на листок, похвалил сына, а потом нахмурился и достал из большой коробки на серванте какие-то бумаги. Перепроверив расчеты сынишки, он издал сдавленное хмыканье, надел пальто и ушел скандалить в домоуправление.

Арифмомания Эйхгорна не требовала медикаментозного лечения. Прилагая волевые усилия, он вполне мог ее подавлять. Другое дело, что обычно он этого не делал, поскольку не видел ничего плохого в умственных упражнениях.

— Я поймал стерлядь, — заявил Эйхгорн, подходя к палаткам. — Татьяна, одолжи безмен, у тебя есть, я помню... так, а где все?..

Ответом ему было молчание. В лагере стояли только пустые палатки.

ГЛАВА 2

Эйхгорн обыскал лагерь со всей дотошностью. Не пропустил ни единой палатки, заглянул под каждый кустик и даже на всякий случай перетряс рюкзаки.

Нигде не было ни души.

Несчастливая стерлядь сразу отошла на задний план. Эйхгорн положил ее в котелок с недочищенной картошкой и принялся напряженно размышлять.

Первым делом он, естественно, попытался позвонить Извольскому или Гриневой, но смартфон грустно моргал красным крестиком. Связи не было.

Оно и понятно — такая глушь. Не так уж много найдется на планете более удаленных от цивилизации уголков. Полярные зоны разве что.

— Алексей!.. — окликнул Эйхгорн, приложив ладони к рту. — Татьяна!.. Виталик!.. Ау, кто-нибудь!..

Прямая связь тоже результатов не дала. Если Эйхгорна кто и услышал, дать о себе знать он не соизволил.

Он крикнул еще несколько раз, но голос быстро затух среди деревьев. Лиственницы окружали лагерь сплошной стеной, и эхо в них мгновенно гасло.

Другой человек на месте Эйхгорна как минимум бы занервничал. Возможно, даже запаниковал. Но Исидор Яковлевич Эйхгорн был не из тех, кто паникует. Хладнокровный и рассудительный, любую экстренную ситуацию он воспринимал просто как задачу, требующую решения.

И сейчас он принялся ее решать.

Крови на траве нет. Не заметно и следов борьбы. Ничего не сломано, не порвано и не перевернуто. Значит, люди из лагеря ушли добровольно. По собственной инициативе или из-за некоего неизвестного фактора, но добровольно.

А судя по нетронутым вещам, уходили в страшной спешке. Даже чайник на плитке бросили. А раз вода еще не выкипела — ушли буквально пару минут назад.

Похоже, ребята ужасно куда-то торопились. Возможно, их что-то напугало.

Вспомнить о Эйхгорне они, конечно, не удосужились. Ему не оставили ни записки, ни какого-нибудь знака. Он попытался что-то определить по следам, но не преуспел.

Теперь у Эйхгорна было два варианта действий. Первый — оставаться на месте и ждать. Второй — дойти до ближайшего населенного пункта и вызвать полицию.

Эйхгорн избрал второй вариант. Ему не очень хотелось сидеть в пустом лагере и надеяться, что все просто решили пойти по грибы. В любой непонятной ситуации он предпочитал действие бездействию.

Ближайший населенный пункт — деревня Малые Дудки. Туда уфологи приехали из Якутска на машине, а уже потом — семь километров пешком по лесу. Местечко глухое, почти что брошенное — из тридцати домов больше половины пустуют, а в остальных живут в основном одинокие старики. Но телефон там есть, связаться с большим миром можно.

К тому же ребята скорее всего пошли в том же направлении. Больше просто некуда — с остальных сторон только глухая тайга. Если поторопиться, Эйхгорн может их даже нагнать.

Эйхгорн вытащил из палатки рюкзак и быстро принялся собираться. Зря, совершенно зря он вчера распаковался — но кто же мог знать?

В рюкзак полетела одежда, нижнее белье, запасная обувь, кепка, полотенце. Туда же отправились гигиенические принадлежности — от дезодоранта до зубной пасты.

Затем аптечка — Эйхгорн машинально раскрыл ее, проверяя, все ли на месте. Градусник, бинт, пластырь, хирургическая игла с нитью, жгут, йод, аспирин, цитрамон, ампициллин, валидол, супрастин, но-шпа, нашатырный спирт, пищевая сода, марганцовка и активированный уголь — кроме принятой утром таблетки, все на месте.

Котелок. Полуторалитровый, на одного человека.

Компас. Надежный горный компас в водонепроницаемом футляре.

Нож выживания из нержавеющей стали. Незаменяемая вещь в любой точке планеты. Лезвие с одной стороны

гладкое, с другой зубчатое. В рукояти дополнительные инструменты — отвертка, открывалка, штопор, ножницы, шило, крючок, напильник и лазерная указка.

Запасная зажигалка. Газовая, почти полная.

Рулетка. Пять метров длины. Всегда пригодится в дороге.

Динамо-фонарик. Вжикаешь — светит. В зарядке не нуждается, в батарейках не нуждается — только в мускульных усилиях.

Комплект батареек. Шесть штук, нераспечатанных.

Репеллент. Сунешься без него в тайгу — станешь добровольным донором.

Зарядное устройство для смартфона. Впрочем, в тайге его подключить некуда.

Внешний аккумулятор. Для зарядки в полевых условиях, дает смартфону три дополнительных срока.

Бинокль... бинокля в палатке не оказалось. Видимо, кто-то из ребят взял попользоваться.

Шесть банок пива. Исключительно светлого — темное Эйхгорн не любил.

Десять пачек сигарет. Эйхгорн взял с собой блок, но десятую пачку уже частично выкурил.

Кулек с одноразовыми тарелками, стаканами, ложками и вилками.

Провизия. Палка сырокопченой колбасы, две сосиски (остальные вчера съели), упаковка нарезного хлеба, кусок твердого сыра, лук и чеснок, кулек гречи, кулек макарон, кулек ржаных сухариков, четыре упаковки растворимой вермишели, три упаковки картофельного пюре, шесть банок тушенки, баночка подсолнечного масла, банка сгущенки, два козинака, большая плитка горького шоколада, бутылка кетчупа, сахар, соль, перец. Растворимый кофе. Двухлитровая бутылка воды. Подумав, Эйхгорн перелил в термос кипяток из чайника.

Некоторое время он еще размышлял, не прихватить ли с собой злополучную стерлядь, но решил все же ее оставить. Подходящего контейнера для свежей рыбы под рукой нет, а класть ее в рюкзак абы как — провонять все вещи.

Спальник и палатку Эйхгорн забирать тоже не стал. Слишком долго разбирать их и укладывать. Пусть лежат — он сюда всяко еще вернется.

Не взял он и удочку.

Вероятно, еще лучше было бы вообще оставить рюкзак и пойти налегке, но это Эйхгорну почему-то не пришло в голову. Может, он просто не представлял себя в тайге без минимального комплекта необходимых вещей.

Зато ему пришло в голову, что неплохо бы прихватить и что-нибудь для самозащиты. Он точно знал, что кто-то из ребят привез ружье. Как в тайге без ружья-то? Тут и медведь может случиться, и браконьеры.

Но ничего огнестрельного Эйхгорн в палатках не нашел. Только ножи и пара топоров. Но нож у него имелся свой, а тащить топор не хотелось.

Вместо оружия Эйхгорн нашел в палатках множество ценностей. Деньги, документы, телефоны, парочка ювелирных украшений. Народ действительно уходил впопыхах, внезапно... или же планировал сразу же вернуться.

Так или иначе все это очень-очень странно.

Некоторое время Эйхгорн размышлял, не забрать ли деньги и документы с собой, но в итоге решил ничего не трогать. На несколько километров вокруг нет ни единого человека — маловероятно, что именно сегодня в лагерь забредет посторонний. А если ребята вдруг вернуться и не обнаружат своих вещей, Эйхгорн попадет в двусмысленную ситуацию. Могут и в мародерстве заподозрить.

Не стал Эйхгорн трогать и оборудование уфологов. Оптический телескоп на треноге, профессиональную видеокамеру, метеозонд и тот загадочный оранжевый контей-

нер, ключ от которого Извольский всегда носил при себе. Весит это добро немало, тащить его на себе не хочется, да и не нужно оно Эйхгорну.

Единственное, что он взял, — ключи от минивэна.

И еще чей-то айпод. Но только потому, что тот валялся в траве, явно оброненный кем-то из уфологов. Нельзя же так его бросать — подплывет, испачкается, а вещица недешевая. Надо бы положить в палатку... только непонятно, в которую из четырех.

Ладно, с этим еще успеется. Эйхгорн надел рюкзак и в последний раз оглядел лагерь, проверяя, не забыл ли чего. Взгляд упал на лежащий у кострища безмен. Гринева оставила — она всегда возит его с собой, чтобы точно распределять продукты. Произведен в 1987 году, принадлежал еще ее бабушке.

Эйхгорн зачем-то поднял его, даже дернулся к своей стерляди, чтобы так взвесить ее... но вдруг заметил кое-что на левом запястье. Вормолеграф, уже пару лет заменявший своему создателю наручные часы, проявлял активность.

— Прибор засек аномалию, — произнес Эйхгорн в диктофон, машинально бросая безмен в кусты.

Стрелка дергалась. Не так, как во все предыдущие разы, когда Эйхгорн не был уверен даже, что ему не привиделось. Нет, она явственно ходила из стороны в сторону.

Эйхгорн ожидал этого момента очень-очень долго. Но теперь, когда тот и в самом деле наступил, ему стало как-то не по себе. Поправив рюкзак, он принялся водить рукой, ища источник сигнала... и довольно быстро его нашел.

Для этого понадобилось всего лишь поднять голову.

Высоко в небе висело нечто вроде расходящегося кольца дыма. Только было оно гигантских размеров, и был это не дым, а именно облако — почти идеальной формы тор. Этот облачный тор слегка светился и медленно увеличивался в диаметре — в точности как кольцо табачного дыма, выпущенное курильщиком.

Эйхгорн немедленно включил видеозапись и заговорил в диктофон:

— Одиннадцатое августа две тысячи четырнадцатого года. Местное время — семь часов тридцать две минуты. Нахожусь в Республике Саха, ближайший крупный населенный пункт... черт его знает. Хандыга, кажется. Веду наблюдение с поверхности земли. Ясно, температура воздуха — плюс четырнадцать по Цельсию, ветер северный, переменный. Наблюдаю необычное явление...

По мере того как Эйхгорн описывал увиденное, облачный тор опускался все ниже. К тому же он перестал расширяться... более того, начал сужаться.

И Эйхгорн стоял в самом его центре.

— Пока рано судить о природе этого явления, но есть предположение, что это кротовина, — продолжал он говорить. — Постараюсь приблизиться на максимально доступное расстояние и сделать замеры.

Слишком поздно Эйхгорн понял, что оказался в ловушке. Увлеченный наблюдением, он даже не пытался отойти подальше. А когда наконец спохватился, облачный тор был уже не сверху, а вокруг него.

Стрелка вормолеграфа металась как сумасшедшая.

— Судя по всему, неизбежен физический контакт, — сделал аудиозаметку Эйхгорн. — Если останусь в живых, опишу ощущения подробно.

Больше он ничего продиктовать не успел, поскольку облачный тор вдруг... вспыхнул. Его края взметнулись короной голубого огня, а в центре засветилось гало, похожее на дискообразную шаровую молнию.

Эйхгорн почувствовал, как волосы на теле встают дыбом. Перед глазами все поплыло, возникло ощущение, словно земля и небо меняются местами. На какую-то секунду Эйхгорн утратил вес, а к горлу подкатил комок.

Потом раздался будто беззвучный грохот, и все исчезло.

Минут через десять к палаткам подошли шесть очень воодушевленных людей. Извольский размахивал руками, Гринева с Дроздовой тыкали пальцами в планшет, супруги Лаптевы тараторили один другого громче, а Виталик Лабартюк просто молча шагал с улыбкой до ушей. На груди у него висел бинокль.

— Потрясающее атмосферное явление! — громко восхищался Лаптев.

— Потрясающее! — соглашалась Лаптева. — Ты всё заснял?!

— Все всё засняли, успокойся.

— Но это не НЛО, — с легкой грустинкой произнес Извольский. — К сожалению.

Все согласились, что да, очень жаль, но не НЛО. Просто очень необычной формы лентикулярное облако. Явление крайне редкое и удивительно красивое, но ничего аномального в нем нет.

— Люди, мой айпод никто не видел?.. — спросил Виталик, оглядывая траву. — Выронил где-то... эй, гляньте!.. Тут рыба живая в котелке!.. Стерлядь, прикиньте!..

— А Сидор же на рыбалке был, — вспомнил Извольский. — Где он сам-то?..

— Сидо-ор!.. — крикнула Гринева.

— Сидор, ау!..

— Исидор Яковли-ич!..

Ответа не было. Только ветер трепал край опустевшей палатки.

ГЛАВА 3

Когда Эйхгорн очнулся, было уже совсем темно. Похоже, без сознания он пробыл часов пятнадцать. Во рту стоял горький привкус, как будто его только что вырвало.

Некоторое время Эйхгорн еще лежал на траве, осознавая произошедшее. Судя по тому, что он по-прежнему под

открытым небом, его никто не нашел. Значит, уфологи в лагерь так и не вернулись, иначе по крайней мере перенесли бы его в палатку.

Но понемногу глаза привыкли к темноте, и Эйхгорн понял, что находится не в лагере. Палаток вокруг нет, никаких других вещей тоже. Да и место явно совсем другое. Уфологи остановились на крохотной полянке, этакой проплешине рядом с сухим оврачком. А здесь ничего подобного не видно, только сплошные ряды деревьев.

Причем не тех деревьев. Возле лагеря росла в основном лиственница, кое-где попадалась ольха. Здесь же... в такой темноте Эйхгорн затруднялся определить древесные породы, но на лиственницу это точно не похоже. Скорее уж дубы, вязы, бересклеты.

— Занимательное явление, — сделал аудиозаметку Эйхгорн. — По всей вероятности, моя гипотеза подтвердилась — это действительно кротовина. Не подлежит сомнению, что я переместился в пространстве. Вопрос лишь в том, на какое именно расстояние.

Вормолеграф молчал, стрелка больше не двигалась. Эйхгорн убрал диктофон и решил попробовать сориентироваться на местности.

Физические ощущения были вполне обычными. Воздух пригоден для дыхания, сила тяжести не изменилась, атмосферное давление вроде бы нормальное. Уже неплохо.

Небо ничего полезного не сказало. Слишком пасмурно — нет ни звезд, ни луны. Впрочем, сегодня предновогодние, так что луна все равно была бы почти не видна.

Смартфон работал, но сеть по-прежнему не находил. Равно как и GPS. Полная пустота.

Определить точное время тоже не удавалось — на смартфоне сбросились все настройки. Видимо, из-за прохождения через червоточину. Дисплей мигал бесполезным «0:00».

Компас указывал... куда-то. На север, понятное дело, но это знание Эйхгорну сейчас ничем не помогало.

Несмотря на то что он очутился непонятно где, настроение у него было приподнятым. Ведь он наконец-то получил фактическое доказательство существования червоточин. Экспериментально подтвердил функциональность своего изобретения. Это стоит того, чтобы заблудиться в лесу.

Но оставаться здесь все равно не хочется. Кому Эйхгорн тут расскажет о своем открытии — белкам и медведям?

Их, впрочем, тоже не видно. Да и гнус совсем не докучает.

Нет, надо выбираться к людям, к цивилизации. Обернувшись вокруг своей оси, Эйхгорн пристально рассмотрел все пути. Дорог и троп заметно не было, но к северо-востоку деревья росли несколько реже. В том направлении он и зашагал.

Какое-то время Эйхгорн машинально считал деревья. Дойдя до восьмидесят второго, остановился и задумался, не в силах решить, мелкое ли перед ним деревце или особо вымахавший кустарник.

В темноте было трудно разобрать.

Так или иначе счет на этом прервался, и дальше Эйхгорн шагал уже просто так. От скуки он начал слушать айпод, но ему быстро надоело. Судя по музыке, процентов на девяносто состоящей из тяжелого металла, эта штукавина принадлежала кому-то из молодежи — Виталику или Галке Дроздовой. У современной пацанвы совершенно нет вкуса.

То ли дело старый биг-бит. Вот это была музыка.

Небо понемногу светлело. Стало ясно, что со временем Эйхгорн не угадал — без сознания он провел не пятнадцать, а все двадцать часов. Весь день и большую часть ночи.

Крепко его приложило, похоже.

Или же — он не исключал и такой вариант — кротовина переместила его куда-то в другой часовой пояс. Возможно, он сейчас где-нибудь в Финляндии или Канаде.

Лучше в Канаде. По-английски Эйхгорн говорил свободно, по-французски тоже мог объясниться. По-фински же знал только слово «perkele», причем не был до конца уверен, как оно переводится.

Эйхгорн продолжал целеустремленно шагать на северо-восток. Он понятия не имел, есть ли там что-нибудь полезное, но раз выбрав направление — придерживался его. Периодически он сверялся с компасом.

Снова захотелось курить. Эйхгорн извлек из кармана и недовольно осмотрел уже полупустую пачку. Вчера он выкурил восемь сигарет, сегодня одну. Осталось одиннадцать. И еще сто восемьдесят лежат в рюкзаке.

Запас довольно приличный. Эйхгорн не был таким уж заядлым курильщиком, в день выкуривал примерно полпачки, так что блока ему хватало недели на три.

Есть тоже хотелось все сильнее. Эйхгорн не успел позавтракать и понятия не имел, сколько времени пробыл без сознания. Но живот напоминал о себе все настойчивее.

Эйхгорн решил сделать привал и перекусить. Он в последний раз затянулся и машинально поискал глазами урну. Разумеется, в лесу ее не оказалось. Класть хабарик в карман было негигиенично и пришлось-таки загрязнять природу.

Совестно, а ничего не поделаешь.

Раньше Эйхгорн не испытывал моральных терзаний, бросая хабарики на землю. Но этой весной ему довелось на добровольно-принудительных началах участвовать в субботнике. Очищая вскрывшийся от снега газон, он, разумеется, машинально подсчитывал и систематизировал убранный мусор.

Всего там обнаружилось восемьдесят девять единиц.
Из них:

- банок из-под лимонада — 1;
- трамвайных билетов — 1;
- оберток от мороженого — 1;
- оберток от шоколада — 2;
- бумажек невыясненного происхождения — 2;
- бутылочных крышек — 4;
- пачек из-под сигарет — 6;
- хабариков — 72.

После этого он невольно задумался, насколько бы чище стали города, если бы люди не курили или хотя бы не бросали хабарики на землю. Количество мусора реально уменьшилось бы в несколько раз.

Впрочем, в экстренной ситуации можно пренебречь обычными условностями. Один хабарик не сможет сколько-нибудь заметно нарушить экологический баланс тайги.

Сделав такой вывод, Эйхгорн зажег новую сигарету.

Небо совсем посветлело. Солнца за лесной стеной видно не было, но оно явно уже выбралось из-за горизонта. Так что Эйхгорн уселся завтракать.

Костра разводить он не стал, но питаться всухомятку ему тоже не хотелось. Кипяток в термосе еще не остыл — Эйхгорн залил растворимую вермишель, выждал несколько минут и принялся есть. Жевал он равнодушно, безо всякого аппетита — просто восполнял нехватку калорий.

На оставшемся кипятке он заварил кофе. Прихлебывая жидкий, почти безвкусный напиток, Эйхгорн сумрачно рассматривал ботинки. Не мешало бы их почистить и подсушить. Надо будет этим заняться во время обеденного привала.

Если, конечно, Эйхгорн к тому времени не выберется из леса.

Допив кофе и закопав под деревом пустую упаковку из-под вермишели, Эйхгорн снова взвалил на плечи рюкзак. Тот стал чуточку легче.

Оказалось, привал Эйхгорн сделал уже на краю леса. Не прошло и пяти минут, как он вышел на опушку. И вот тут-то его крепко проняло. Он даже снял и протер рукавом очки.

Выходя из леса, Эйхгорн рассчитывал обнаружить поле, реку, дорогу. Шоссе или железку. Если повезет — населенный пункт. Населенный пункт он и обнаружил... только был это ну очень нетипичный населенный пункт.

Впереди вздымалась крепостная стена. Выложенная из серого камня, с зубчатыми башенками, окруженная узким рвом. За ней виднелись треугольные зеленые кровли, а в центре — белые купола и шпили, похожие на свадебный торт.

Дворец. Самый натуральный дворец, словно явившийся из диснеевской сказки. Где бы Эйхгорн ни находился, он совершенно точно уже не в Якутии. Да и вообще для Восточной Сибири характерен совершенно другой архитектурный стиль.

Пару минут Эйхгорн просто рассматривал удивительное явление. Потом сделал несколько снимков и заговорил в диктофон:

— Будем рассуждать логически. Объяснение первое — это сон. Исключено, поскольку я удивлен. Известно, что во сне все воспринимается как должное, так что удивиться там невозможно. То же самое касается сумасшествия. Галлюцинации маловероятны, поскольку я в данный момент трезв, а вещества употреблял всего дважды в жизни, и с тех пор прошло больше двадцати лет, но этот вариант пока что полностью отбрасывать не будем.

Объяснением номер два Эйхгорн назвал монастырь. В России кое-где еще остались по-настоящему крупные монастыри, издали похожие на дворец царя Салтана.

С другой стороны, о настолько огромных Эйхгорн не слышал. Да и архитектура опять же какая-то... не православная. Купола имеются, только совсем другой формы, ничуть не похожие на привычные золотые луковицы. И ни одного креста.

Объяснение третье — этнографический музей под открытым небом. Такой, где воссоздают кусочек старины. Тогда размах, конечно, грандиозный. Эйхгорн бывал в подобных музеях — в Чувашии, в Египте, в Норвегии, — но те не тянули на большее, чем крохотное сельцо. А эта штука размером с настоящий средневековый город.

Видимо, Эйхгорн стоял на возвышенности, потому что вид открывался изумительный. Насколько хватало глаз, город окружали поля. На одних колосилась пшеница, другие были отданы под пастбища. Примерно на полпути к крепостным стенам виднелась еще одна группа строений — небольших, приземистых. Наверное, деревенька или крупный хутор.

Монастырь ли это или музей — места однозначно далекие от цивилизации. Дороги только грунтовые, хотя покрытие неплохое. Линии электропередачи отсутствуют. Техники тоже не видно — ни легкового транспорта, ни грузового, ни тракторов.

Жаль, бинокля нет. Эйхгорн взял в экспедицию прекрасный полевой бинокль с двадцатикратным увеличением, но тот остался где-то в лесу близ села Малые Дудки.

А Эйхгорн сейчас совершенно точно в каком-то другом месте.

Нет, это не галлюцинации. И на этнографический музей все-таки мало похоже. Уже совсем рассвело, и Эйхгорн решил спуститься, взглянуть поближе.

Вон на ближайшем поле заметно движение — коровы или другой крупный рогатый скот. Пастух гонит стадо. Он должен как минимум знать название этого населенного пункта. А если он не говорит по-русски, Эйхгорн по край-

ней мере поймет, что вокруг не Россия... и вообще не СНГ.

Конечно, всегда остается шанс наткнуться на не знающего языка иностранца. Или вообще немного. Но вероятность подобного незначительна, так что ее можно не учитывать.

Приближаясь к пастуху, Эйхгорн постепенно замедлял шаг. Уж больно чудно тот был одет. Явно не по современной моде. Что-то вроде короткой рубахи или удлиненной туники — белого цвета, с вышитыми зеленью узорами, похожими на оленье рога.

Босой — это Эйхгорн заметил, подойдя еще ближе. На голове... похоже, веноч. Листья вперемешку с цветами. Ростом повыше Эйхгорна, но лицом еще совсем пацан — лет шестнадцать-семнадцать. И взгляд какой-то... отстраненный.

Стремный тип. Как ни посмотри — стремный. Может, местный дурачок?

При виде Эйхгорна пастушок насторожился. А за поясом у него висел немаленькой длины кнут. Или бич — Эйхгорн понятия не имел, как это орудие труда правильно называется.

— Кто будешь, добрый человек? — окликнул пастух.

Эйхгорн открыл уже рот, но запнулся и ничего не ответил. Его мозг уловил нечто аномальное. Пастух точно, совершенно точно говорил не по-русски. И не по-английски. И ни на каком другом из известных Эйхгорну языков.

Но он загадочным образом понял каждое слово.

— Добрый человек, откуда будешь? — уже с явным подозрением спросил пастух. — Что-то одежда на тебе чудная. Неместный, что ли?

Эйхгорн невольно опустил взгляд. Там были самые обычные куртка и брюки. Очень легкие, из мембранной ткани. Под ними термобелье — Эйхгорн всегда его носил

на природе. На ногах трекинговые ботинки. На лысом чепе — панама с ремешком.

Ничего экстраординарного, но рядом с этим ряженым его одежда действительно смотрелась странно.

А потом все стало еще страннее. На дороге показались две конные фигуры. Двигались они медленной трусцой, но при виде Эйхгорна сразу встрепенулись и прибавили ходу.

— Это кто такие? — спросил Эйхгорн пастуха.

— Вестимо кто, — ответил тот. — Королевские егеря. А ты, добрый человек, в самом ли деле добрый или я, может, ошибаюсь?

Эйхгорн задумался. Вопрос был по-настоящему сложен, и так вот с ходу ответить не получалось. В любом случае сейчас мозг Эйхгорна был полностью поглощен приближающимися всадниками.

Как-то неприветливо они выглядели.

Одеты эти ребята были еще необычнее пастуха. Лошади Эйхгорна не смутили — ему и самому доводилось ездить верхом. В условиях бездорожья конь и сейчас бывает предпочтительнее автотранспорта. Но вот одежда их седоков...

На них были ярко-зеленые камзолы, похожие на гусарские. Такие же и штаны. Сапоги черные, длинные, с высокими голенищами и круглыми носками. На груди что-то вроде белых галстуков, а манжеты кружевные, тоже белые. На головах зеленые картузы с красной тульей и двумя шнурками. К поясам приторочены не то длинные ножи, не то короткие шпаги.

А главное — у обоих в руках были копыя. Поначалу они держали их вертикально, словно знамена, но понемногу опускали, явно устремляя острия к Эйхгорну.

Тот не делал попыток удрать. Он сразу прикинул примерную скорость верховых, сопоставил ее с максимальной, которую мог развить сам, оценил расстояние до леса

и сделал вывод, что убежать не получится. А значит, и не-зачем зря тратить силы.

Вместо этого Эйхгорн размеренно говорил в диктофон:

— На ум приходят два возможных объяснения — реалистическое и фантастическое. Реалистическое — передо мной историческая реконструкция или средневековый фестиваль. Фантастическое — пройдя через кротовину, я переместился не в пространстве, а во времени. Полагаю, через минуту-другую я выясню, какая из гипотез справедлива.

Всадники, которых пастух назвал «королевскими егерями», тем временем подъехали к Эйхгорну и безо всяких разговоров принялись тыкать его тупыми концами копий. Не всерьез, не с целью ранить, а так, как ребенок тыкает палочкой дохлую гусеницу. Видимо, им было любопытно, что это за нелепое существо.

В окружении всех этих ряженых нормально одетый человек и в самом деле смотрелся чертовски странно.

А Эйхгорн просто стоял со своим диктофоном, и взгляд у него был снулый. Казалось, что ему безразлично происходящее. Однако на деле он внимательно изучал ситуацию, подмечая каждую мелочь.

Например, часы. Его внимание сразу привлекли часы на запястье егеря постарше. Вроде бы явный признак современного мира — в Средневековье подобных точно не носили. Но с другой стороны — это были вовсе не механические и тем более не электронные часы, а... солнечные. Крохотные солнечные часы — с циферблатом, маленьким отвесом и шнурком-гномоном. Эйхгорн слышал о таких — если держать их в правильном положении, время определяется с точностью до четверти часа.

— Не подскажите, сколько времени? — вежливо поинтересовался Эйхгорн. Ему захотелось взглянуть, как этим устройством пользуются.

— Третья четверть первого рассветного, — ответил егерь, на мгновение поставив руку горизонтально.

Эйхгорну это ничего не сказало. А еще ему надоели легкие, но все же чувствительные тычки копьями. С тупого конца они не опаснее швабр, но все равно как-то неприятно.

Но когда он осторожно отступил на шаг, копья сразу взметнулись к лицу. И на сей раз то были острые концы — на совесть заточенные! Егеря перевернули свое оружие с какой-то даже неправдоподобной скоростью.

Глядели они при этом без злобы, но с подозрением, сильно напоминая гаишников на трассе.

— Галко, это знакомец твой, что ли? — спросил егерь у пастуха.

— Не, — мотнул головой тот. — Не знаю его.

— А откуда взялся тут?

— Да вроде из леса вышел. Но я не видал.

— Не видал?..

— Не видал. Только если не из леса — так откуда же? Тут рядом-то только лес, а дорога-то — она вон, дорога, в другой стороне совсем.

— Ага. Из леса, значит.

— Товарищи, господа, офицеры, не знаю, как к вам правильно обращаться... я, если что, сам могу за себя ответить, — подал голос Эйхгорн. — Спросите у меня самого, кто я такой.

— Ага, — медленно кивнул егерь. — Точно, можно ж так. Ты кто такой?

Эйхгорн вздохнул. Идиоты. Куда ни плюнь, везде идиоты. Человеческая глупость всегда его огорчала, но он ничего не мог с ней поделать.

— Где я нахожусь? — устало спросил он.

— А ты находишься на коровьем пастбище, — участливо ответил егерь. — Сам-то не видишь, что ли? Так вроде и очки носишь — не слепой, значит.

— Уточняю свой вопрос. Как называется этот город?

— Альбруин еще вчера назывался, — ответил егерь, переглянувшись с напарником. — Заплутал, что ли? Ну это случается. Откуда сам будешь? Куда идешь?

— Альбруин... — пробормотал Эйхгорн. Название было для него пустым звуком. — А... страна как называется?

— Так Парибул, — без малейшего удивления сказал егерь. — В самом деле заплутал, что ли? Куда идешь-то, говорю!

— А число сегодня какое? — продолжал выпытывать Эйхгорн. — День, месяц?

— Бархатный Ястреб, — недобро ответил егерь.

— Бархатный... Ястреб?.. — недоуменно переспросил Эйхгорн. — А-а... а год какой?

— Год?.. Ты не знаешь, какой сейчас год?.. Кто вы вообще такой, сударь? — уже совсем холодно спросил егерь, почему-то переходя на «вы». — Потрудитесь-ка объяснить, да поживее.

— Никто, — на автомате сказал Эйхгорн, переваривая информацию. — Я никто. Обычный человек.

Вот теперь егерей проняло! Услышав этот безобидный ответ, они отпрянули как ужаленные. Пастушок тоже отшатнулся, едва не упав.

— Обычный человек?! — вскрикнул егерь помоложе.

— Сам признался! — гаркнул второй. — Вяжи его!

Эйхгорн не успел опомниться, как его плечи захлестнуло арканом. Егерь с силой дернул, и Эйхгорн упал.

Глотая пыль, он тщетно пытался понять, что не так сказал...

ГЛАВА 4

Оказалось, что это очень неприятно — когда тебя ведут на аркане, подталкивая в спину копыями. Вдобавок у Эйхгорна отняли рюкзак — и хорошо еще, что не стали обыскивать. Просто скрутили и погнали к городской стене.

Сопротивляться Эйхгорн даже не пытался. Один, безоружный, против двоих явных профессионалов с ножами и копиями? Вероятность победить стремится к нулю.

Да и драться-то Эйхгорн практически не умел. Он рассуждал следующим образом — чтобы действительно уметь постоять за себя, нужна прежде всего практика. Значит, нужно регулярно тренироваться, заниматься в каких-нибудь секциях. Это требует времени, и немало. При этом от ножа или пистолета не спасет все равно. Да и при численном превосходстве противника шансов будет немного.

Ну и стоит ли оно того?

Ладно бы еще Эйхгорн жил в каком-нибудь криминогенном районе, где велик риск встрять в ситуацию, но ведь нет же. За всю жизнь на него нападали только два раза. В первый раз еще в институте — какой-то шизоид просто молча подбежал, ударил в лицо, вырвал сумку и умчался. Во второй раз лет десять назад — три пьяных долдона попытались отжать коммуникатор. У них не вышло — на карте памяти было несколько очень важных файлов, так что Эйхгорн отбивался с каким-то звериным, внезапным для себя самого упорством. В итоге ему удалось-таки отстоять свое имущество, но ценой двух сломанных ребер.

Два инцидента за сорок лет — вполне допустимо.

Вообще, Эйхгорн всегда был несколько фаталистом. Он считал, что подготовиться ко всему невозможно, от всех бед уберечься не выйдет. А рано или поздно так или иначе умрешь, и этого никоим образом не изменить.

Следовательно, незачем тратить силы, пытаясь объять необъятное.

Вместо этого Эйхгорн размышлял над тем, в какую эпоху его занесло. Он все сильнее уверялся, что провалился во временную дыру. Прежде Эйхгорн отметал даже теоретическую возможность путешествий во времени, ибо они противоречат элементарной логике. Но в данной ситуации сложно найти другое подходящее объяснение.